

ГАБРИЭЛА БЕРГАЛЬО: «ДУМАЮ, В МУЗЫКЕ ВЕСЬ СМЫСЛ»

Аргентинская певица рассказала о своём первом знакомстве с Россией

Габриэла Бергальо: «Все дело в музыке»

Исполнительница музыки в стиле «Танго», спевшая одну из главных вокальных партий в шумевшем спектакле «Мария де Буэнос-Айрес», уверена, что текст – не главное. Главное – чувствовать сердцем. Не этому ли её научил русский дедушка? Мы поразговаривали за рюмочкой чая.

– Габриэла, доводилось ли вам давать подобные представления где-нибудь ещё?

– Да, мы играли этот спектакль в Швейцарии, в Польше, на Эдинбургском «Fringe Festival», в Пскове, и вчера мы сыграли его у вас.

– То, что спектакль полностью идёт на испанском, как-то влияет на восприятие русскоязычной аудитории?

– Да, это не очень просто понять тем, кто не владеет испанским. Но я думаю, что спектакль музыкальный, а музыка в нём настолько замечательна, что его вполне можно понять и без слов. То же самое у нас было на знаменитом Эдинбургском театральном фестивале. Критики, которые присутствовали на представлении, сказали: «Да, мы ничего не поняли, но это было волшебство». Думаю, в музыке весь смысл.

– Насколько отличается восприятие вашего спектакля у испаноязычной публики и той, которая не говорит по-испански?

– Приём везде примерно одинаков. Не думаю, что восприятие чем-то отличается, ведь все происходит больше на уровне эмоций и музыкальных и визуальных образов. Не имеет значения, понимаете ли вы текст – главное, смогли ли вы почувствовать атмосферу происходящего на сцене. Доста-

точно прочитать либретто, и этого может быть достаточно, чтобы зритель эмоционально погрузился в атмосферу Буэнос-Айреса. В классической опере ведь тоже не всегда понятно, о чём поют, даже тем, кто владеет языком исполнения. Для этого, по большому счёту, и существует либретто. Все средства восприятия в совокупности способны вести зрителя в понимание происходящего.

– Говорят, что русский зритель по менталитету несколько похож, скажем, на зрителя откуда-нибудь из Южной Европы – всё увиденное и услышанное воспринимается больше не разумом, а чувствами. Есть какое-то эмоциональное родство между латиноамериканцами как носителями той культуры и русскими.

– Впервые я пела в России в 2008-м году. И в самом деле, я сразу почувствовала отличный контакт с аудиторией. Наверное, такой духовный контакт и поспособствовал тому, что спектакль был номинирован впоследствии на премию «Золотая маска». Для меня это было большим сюрпризом. Удивительно, что я постаралась донести до русских настоящую атмосферу Буэнос-Айреса, полностью аутентичную, без всяких попыток адаптации, и это было понято и прочувствовано в России. Это отлично ощущалось и на моих концертах в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Пскове, и в Архангельске. Я не знаю русского, не знаю, что на самом деле вы говорите словами, но я чувствую сердцем, и это мне нравится.

– Доводилось ли вам ознакомиться с русской культурой – не лубочной с матрёшками, балалайками и медведями, а именно настоящей? Вы представляете, что это такое?

– У меня много совершенно различной информации о России, её культуре и русском менталитете. Первое впечатление, которое я получила, было связано с одним из моих родственников. Его звали Михаил Булатов,

он был эмигрантом, и моя семья приняла его – по сути, он стал моим дедушкой. Он был очень специфическим человеком, уникальным, можно сказать. Мы стали с ним очень хорошими друзьями, после чего я научилась пить водку – мне тогда было одиннадцать. Сам Михаил был инженером и долгое время прожил в Аргентине. У него был магазинчик с сувенирами, которые он сам и изготавливал. Он был очень популярен среди местных, и многие приходили к нему, чтобы опрокинуть стаканчик-другой. Михаил очень любил оперу, к чему приучил и меня, а также к рыбалке и многим разным интересным штукам. Это было моё самое первое тесное знакомство с Россией.

Когда я уехала в Швейцарию, его сын переехал в Санкт-Петербург изучать театральное искусство, а в 2008-м пригласил меня туда с концертом. Тогда я уже и узнала от него историю России – он был очень политически активным и рассказал мне многое о стране. И тогда уже состоялось моё более тесное знакомство с Россией.

– А как вы полагаете, почему у русских такой интерес к аргентинской культуре?

– Думаю, это потому, что Аргентина представляет собой смесь различных культур, в том числе, и русской, из-за большой волны эмиграции. А ещё мы впитали в себя и испанскую, и цыганскую традиции, что русским тоже интересно в силу особого эмоционального настроения. Танго наполнено всем этим. Для многих – это некое чувство ностальгии. Танго вобрало в себя все чувства, которые может выразить человек.

Александр МАКГРЭГОР.

Габриэлла Бергальо родилась в Буэнос-Айресе, где окончила университет Дель Сальвадор по классу вокала.

С 1988 года эмигрировала в Милан, где обучалась оперному пению и вела концертную деятельность джазовой певицы.

В 1989 году переехала в Швейцарию, где окончила оперную студию при консерватории Шаффхаузен. В 1991 году начала сольную карьеру в Швейцарии, Италии, Германии и Аргентине.

Жанр «chanson» во французских реалиях вовсе не имеет того оттенка, который ему как-то неуклюже придали на просторах Советского Союза. Это просто городской романс, местами ироничный, иногда циничный, но всегда цепляющий за душу и остроумный.

На концерте коллектива «Boule» в архангельском клубе «Колесо» яблоку было негде упасть. Тот случай, когда публика собралась не порубиться на славу, а именно послушать музыку. Видимо, соскучившись по французской романтике, народ даже пытался подпевать, благо, в зале нашлось несколько человек, знающих французский. Кстати, так уж вышло, что концерт «Boule» совпал с традиционными днями франкофонии в Архангельске, так что Седрик перед выступлением успел зайти в гости к студентам, изучающим романскую филологию и перевод в САФУ.

Сам коллектив довольно прост: флейта, саксофон, гитара, ударные и контрабас. Хотя нет – ещё пила: французы довольно успешно перенимают искусство возить смычком по рабочему инструменту. Но это так, в качестве экзотики. А «Boule» – как раз тот самый случай, когда текст имеет первостепенное значение. Это если сравнивать, например, Джо Дассена или Шарля Азнавура с Сержем Ганзбуром или Сешаном Рено. С первыми всё понятно – сплошной «амур-гужур», а вот со вторыми всё куда сложнее, одной музыкой тут не обойтись – всё дело в текстах. Так и «Boule» куда ближе к ним, чем к музыке, ассоциирующейся с поцелуями на Елисейских полях или под зонтом на фоне Эйфелевой башни. Это, скажем, как тот же Париж, только не снаружи, а изнутри: что увидели – то и спели.

К примеру, Седрик рассказал, что у него есть дочка 11 лет (у неё, кстати, именно в день концерта случился день рождения), с которой в детстве постоянно происходили разные нелепицы в духе персонажей Пьера Ришара. В семье, как что-то подобное случалось,

СЕДРИК БУЛЛАР: ЧТО ВИЖУ, ТО ПОЮ

Вторым номером «Европейской весны» в Архангельске выступил настоящий французский шансонье

так и говорили: «Ну вот, опять Ришар». Этому Седрик и посвятил одну из своих песен. Да, впоследствии сам высокий блондин в чёрном ботинке лично разрешил упоминать своё имя в подобном контексте.

А ещё был разговор с философски настроенным старьевщиком или беседа с пожилым меся, увлекавшимся астрономией и велосипедом – эти истории тоже получили своё музыкальное воплощение.

Все истории, которые впоследствии станут сюжетами его песен, Седрик запи-

сывает в блокнотик, который постоянно таскает с собой: «Однажды в дождливый день мы с детьми пошли в магазин, где продают всё для сада – он единственный работал в воскресенье. Девочки, одной из которых было три, другой – два, бегали по магазину. И одна дама на кассе сказала мне: «Наверное, с детьми сложно, потому что они живые». А я ответил, что мне повезло, что мои дети живы. Она поменялась в лице и спросила: «А вы не думали посетить психолога?» – блокнотик, карандаш – записано.

Однако на концерте Седрик исполнил не только свои песни. Прозвучали, к примеру, и песня Жоржа Брассена, и ещё одна на слова Бориса Виана «Жалоба на прогресс», которая, кстати, почему-то больше всего запомнилась публике и даже была сыграна на бис. Неизвестно, поняла ли её большая часть публики, но по своему звучанию она оказалась скорее танцевальной.

Помнится, в бытность мою студентом французско-английского отделения факультета иностранных языков, была у нас такая тема – «Вещизм». Так вот песня как раз о том, насколько современный человек зависит от вещей: холодильников, пылесосов и прочего: покупает и покупает, неизвестно зачем. Причём подано всё с изрядной долей иронии, которую было понятно даже без слов.

Впрочем, в какой-то момент доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики Надежда Тарасова не выдержала и вышла к микрофону со словами: «Дорогие слушатели, я тут встречаю совершенно незапланированно, просто... Жаль, что не все из вас знают французский язык! Это такие тексты! Конечно, я думаю, что благодаря фактуре музыки и исполнению вы чувствуете многое, но это такой язык, такое очарование текстов: это юмор – чёрный, нежный, детский. Потрясающе!»

Вот в эти моменты и понимаешь – не зря учился «во французской стороне на чужой планете». А ещё когда после концерта отжигает в одном из архангельских баров с контрабасистом Кристофом Фуком и обсуждаешь всё: от неказистого меню и необходимости закусывать до международной политики.

Александр МАКГРЭГОР.